

элементах усвоено *герметической философией* как некая метафора по поводу мироустройства; анонимная по существу, но получившая имя *Аристотеля*. Впрочем, имя *Платона* (V—IV в. до н. э.) тоже подошло бы для алхимического натурфилософствования, неоплатоническое начало которого бесспорно.

Учение о четырех элементах выглядело у алхимиков как учение наставительное, заклинательное. Живая проблемность обернулась косной догматикой.

«*Тимей*» *Платона* изучен всесторонне. Подчеркну лишь то в «*Тимее*», что могло бы заинтересовать алхимика, обратиться он и впрямь к *Платону*. Но и *Платона*, и *Аристотеля* алхимик читал из вторых рук — в догматизированном виде. Сами же догматически понятия и *Платон*, и *Аристотель* в его руках становились и вовсе косными. И все-таки на что бы он мог обратить в «*Тимее*» внимание? «*Огонь, вода, земля и воздух — это видимые тела*» (*Платон*, 1971, 3(1), 46d, с. 487), — прочитал бы он там. *Качества четырех элементов* формулируются как пределы ощущений каждого из них, когда смерть одного означает жизнь другого, ибо «*огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, земля — смертью воды*» (с. 504). Таков круговорот первоэлементов в «*Тимее*». Их как бы нет. Они — лишь метафора, комментирующая мироустроение. Зато есть их умеренные, смиренные формы. *Свет*, например, именно такая форма огня: «*Боги замыслили, чтобы явилось тело, которое несло бы огонь, не имеющий свойств жечь, но изливающий мягкое свечение, и искусно сделали его подобным обычному дневному свету*» (3(1), 45в, с. 485). Но *огонь* тождествен *свету*. Его *бог-демиург* искусно сделал подобным *свету*. *Огонь (свет)* как и *зделан*. *Огонь* как стихия бесплотен. Зато он носитель свойства огнистости. Он в некотором роде — *бессубстанциальное качество; качество без вещи*, его несущей. *Принцип-идея*. *Платоновские начала-принципы* — материал, из которого устроится мир, ваяется *космос*, но не как из глины *четырёх сортов*.

Этот мир — лишь одна из творческих возможностей *демиурга*. Есть и другие возможности. Отсюда многообразие символических реминисценций в духе «*Тимея*». Это, по А. Ф. Лосеву, символотворческая игра: игра *Платона*, и *бога-демиурга* (с. 657).

По *Платону*, в мире, готовом и изготовленном, начала как вещи ускользают: *огонь — только для зрения; земля — для осязания*. *Физическая природа* размыается разными органами чувств, ибо она *второстепенна*. Лишь *геометрия — первостепенна*. Она и есть физическая реальность — *тело космоса, гармоническое и совершенное*. *Гармония* эта зиждется на *невесомом эфире*, не тождественном *огню*, хотя «*огненность*» есть и в нем. *Эфир* соотнесен с *первоматерией — гармонической, а не хтонической*. Что можно сделать из *четырёх стихий*? Пожалуй, ничего, ибо с ними нельзя манипулировать как с *вещами*. Зато можно с *идеями*, как это и делал *платоновский бог-демиург*. Эта мысль пришла бы алхимику по душе, прочти он этот диалог.